

«Утверждаю»
**Директор Федерального государственного
 бюджетного учреждения науки
 Института этнологии и антропологии
 им. Н.Н. Миклухо-Маклая
 Российской Академии Наук
 доктор исторических наук**



М.Ю. Мартынова

2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации –

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
 Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
 Российской Академии Наук

на диссертацию Фирсовой Варвары Сергеевны «Индийцы в Японии», представленную в диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций Д 002.123.01

Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) РАН на
 соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 –
 этнография, этнология и антропология

Этнографическое изучение различных типов современных миграций, включающее углубленный специализированный анализ формирования определенных национальных, этнических, конфессиональных, профессиональных групп эмигрантов и иммигрантов в той или другой стране, в настоящее время составляет магистральное направление антропологии и этнологии. Об этом ясно свидетельствуют материалы всех крупнейших антропологических и этнологических конгрессов, проводимых как в Старом, так и в Новом свете в последние 10-15 лет. В российской этнографической науке в последнее время также усиливается внимание к этой проблематике, однако все еще очевиден недостаток как конкретных, эмпирических этнографических исследований, так и теоретических, обобщающих работ, и особенно – работ, занимающихся методологией данной области. В этих обстоятельствах нужно приветствовать появление качественных научных исследований, соединяющих общую постановку проблемы этнических и

национальных миграций, встреч различных культур, неизбежных и необратимых перемен в экономическом, социальном и культурном облике большинства стран мира с углубленным анализом отдельных случаев.

Диссертация В.С. Фирсовой является серьезным, тщательно выполненным и весьма богатым по своим результатам исследованием истории и характера миграции различных групп южноазиатского происхождения в Японию начиная с конца XIX в. и до настоящего времени. Однако все же некоторое количество замечаний возникает при чтении настоящей работы, и в первую очередь – досадная недоработка с формулировкой самой темы.

Название «Индийцы в Японии» едва ли может быть темой диссертационной работы, поскольку не содержит в себе ни проблемы, ни фокуса взгляда, ни указания на исследуемый исторический период. Формулировка названия диссертации – не простая формальность: именно она помогает выстроить разнообразный материал на единой аналитической линии, вводит в работу гипотезу, превращает описание и историческое повествование в исследование. Все это составляет суть любой квалификационной работы. То, что в данном случае не была проведена работа над поиском формулировки названия, отчасти сказалось и на тексте Введения и Заключения, главными задачами которых является аналитика. Перед нами – историческое изложение, повествование которого движется от первых упоминаний об индийцах в Японии начиная с легендарного Бодхисены до хорошо документированных миграций нынешних дней. Работа, проведенная диссидентанткой, весьма качественна, текст логичен и интересен, исследование охватывает самые разные аспекты жизни мигрантов, однако в нем несколько не хватает единого фокуса взгляда. Многие цитаты (особенно в Первой главе) никак не подытоживаются, не резюмируются, плохо прослеживается мнение автора (например, на стр.28, при описании классификации Коэна, на стр.33-35 и 38 при описании понятия этнической идентичности). Материалы основных глав, особенно Второй, Третьей и Четвертой, оказываются гораздо более интересными и богатыми, чем это отражено автором в Заключении - довольно кратком и схематичном, и которое могло бы быть гораздо более содержательным.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, сопровождается списком использованной литературы и четырьмя приложениями.

Во Введении представлены актуальность, объект и предмет, цели и задачи исследования, кратко описаны методология, источники работы, описана степень разработанности темы, научная новизна, теоретическое и практическое значение диссертации, апробация работы, основные положения, выдвигаемые на защиту.

Актуальность темы, объект, предмет, цели и задачи работы (С.5-8) определены достаточно ясно. Речь идет об истории миграции, об анализе характера массовых перемещений с территории Индостана в Японию в разные исторические периоды, о социо-культурной и культурно-бытовой адаптации и о воспроизведении и сохранении религиозно-культурной практики мигрантами в диаспоре. Индийцы и выходцы из других стран Южной Азии в Японии – с одной стороны продолжают воссоздавать вокруг себя свой привычный «индийский мир», с другой – меняются и приспосабливаются к иным социо-культурным условиям; в какой мере и степени преобладает тот и другой аспект у конкретных мигрантских групп (например, синхнов) – об этом свидетельствуют материалы настоящего исследования.

Методология исследования (С. 8) сформулирована в целом хорошо, хотя весьма кратко и схематично. Проведенные автором полевые исследования в Японии заслуживают более подробного описания, и, возможно, именно в этом разделе следовало бы представить методы и ход исследования. Ссылки на полевые материалы по ходу текста не всегда расшифровываются; за кодом ПМ не всегда становится ясно, идет ли речь о записях интервью, о словах и точках зрения информантов, или о впечатлениях и выводах, которые делает сам автор.

Первая глава – «Миграции населения, диаспоры и транснационализм: теоретические аспекты изучения» является фактически обзором российской и англоязычной научной литературы о миграции, этнической миграции и некоторых концепций, связанных с ними. Основная часть этой главы написана неплохо, насыщена цитатами. Этническая миграция автором представлена весьма схематично; учитывая специфику и японского, и южноазиатского обществ, возможно, стоило бы описать это несколько подробнее, чем это сделано в разделе 1.6, уточнив множественность и различие социальных, этнических и экономических статусов и групп.

Поскольку индийское сообщество разделено и по этническому, и по религиозно-конфессиональному, и по кастовому, и по классовому принципам, несколько проблематичным представляется существование «глобальной индийской (южноазиатской) этнической социальной сети»; это понятие вообще нуждается в особом анализе и разборе, с учетом конкретной этнографической реальности исследуемых регионов. Возможно, выходцы из всех стран Южной Азии в определенном контексте могут представлять себя как «индийцев» - что и отмечает автор. Но оказываются ли они реально частью одной социальной сети? На каком ее уровне оказываются связанными, пример, индийцы-джайны из Гуджарата, мусульмане из Бангладеш, непальцы? Ведь сеть предполагает наличие регулярных реципрокных взаимоотношений. Здесь же возникает интересная проблема

соотношения воображаемых и реальных сообществ, и материалы диссертации ниже предоставляют немало данных на эту тему, однако автор не формулирует ее. Это стоило бы сделать – в разделе о методологии работы, или в Первой главе.

В работе ни разу не вводится тема и понятия *иммиграции* и *эмиграции*, хотя фактический материал об этом разделении имеется. Как нам представляется, именно между тем, как люди становятся «эмигрантами» и «иммигрантами» проходят те трансформационные процессы, которые особенно интересны этнографам. Процессы выезда из одной страны, и въезда в другую страну сопровождаются «переформированием» необходимого культурного и социального «багажа», и ниже, в других главах работы, В.С. Фирсова совершенно справедливо отмечает и хорошо описывает его основные составляющие, такие как пищевые обычаи, религиозные практики, семейные традиции, и, например, заимствованную и освоенную традицию клубов. Однако то, в какой мере они остаются изолированными, а в какой интегрируются в японскую среду, - это можно было бы проанализировать полнее и глубже (в том числе и в рамках теоретических проблем Первой главы), и отразить в Заключении.

В тексте имеются некоторые противоречия. Так, на с. 5 автор пишет: «Более чем столетнее присутствие здесь индейцев опровергает миф об этой стране как «закрытой» для иностранцев». Само такое положение, кстати, скорее подходит для вывода, а не для самого начала текста работы. Однако главное, что ниже (с. 20, с. 23, с. 40, с. 46, первое положение выносимое на защиту – о закрытости японского общества для иностранцев, с. 15) автор многократно опровергает его, говоря именно о закрытости Японии для иностранцев – не абсолютной и физической закрытости, разумеется, а о культурной и социальной. Было бы разумно где-нибудь в тексте работы расшифровать слово «закрытость», пояснив различные ее аспекты – юридический, экономический, межличностный, психологический и т.п.

В тексте имеются некоторые ничем не обоснованные утверждения, например, что «можно предположить, что индиец в Японии отличается от индийца в Англии (С. 23). По данным С.А. Арутюнова, качество японского текстиля в 1920-1930-е гг. было весьма низким, что противоречит никак не подтвержденному документально утверждению В.С. Фирсова на стр. 65 пишет о его высоком качестве.

Неудачно сформулирована мысль на стр. 24: «Миф о возвращении».. был сменен транснациональной мобильностью». Миф не может быть «сменен» реальным процессом; миф может быть сменен только другим мифом. Очевидно, что автор хочет указать на появившуюся в последние годы возможность частого, регулярного возвращения на родину для массовых мигрантов, что и дало возможность все большему числу

переселенцев вести существование между несколькими странами, чего не существовало в прошлом для абсолютного большинства мигрантов. При этом, в связи с упомянутым «мифом о возвращении» возникает другой интересный вопрос: появились ли какие-то другие новые «мифы» или устойчивые комплексы представлений у мигрантов нового типа?

В конце Первой главы, на стр. 45 автор снова обращается к описанию цели своей диссертационной работы, но делает крайне мало выводов из первой главы; два коротких абзаца на стр. 46 и 47 – скорее только заявляют, что было осуществлено в рамках этой главы, но обобщения множества поставленных выше проблем и содержательных выводов не имеется.

Вторая глава – «Начало индийской миграции в Японию. Формирование индийских предпринимательских общин» - построена в основном на литературе, но содержит ряд собственных материалов и наблюдений автора. Это логичное, добротное повествование, разбирающее историю появления различных отдельных исторических личностей и групп мигрантов из Южной Азии в Японию. Особый интерес и ценность, на наш взгляд, представляют обнаруженная автором особая роль синдхов в индийской миграции в Японию, историческое различие в формировании общин на разных островах, а также и флюктуирующий характер миграции из Южной Азии в Японию, которая периодически нарастала и сокращалась. Автору следует обратить внимание на более адекватный русский перевод некоторых английских названий клубов; так, Oriental Young men's club лучше перевести как «Клуб восточной молодежи», а не «Клуб молодых восточных мужчин» (С. 60), слово merchants лучше переводить словом «торговцы», Parsee club можно перевести как «Клуб парсов».

Кроме того, нужно разобраться в теме «гуркхов» и «не-гуркхов», которую В.С. Фирсова вводит только в качестве цитаты из исследования Яманака Кэйко на стр. 114, но не анализирует. Понятие «гуркха» - один из самых запутанных этнонимов Южной Азии в связи с активным использованием в разных контекстах, в том числе в художественной литературе и публицистике, в этнографических и лингвистических описаниях, юриспруденции, политике. В британской колониальной армии активное участие принимали не столько горкха – непальское население, имеющее происхождение из более южных областей Южной Азии, возможно, связанное с династиями раджпутов, говорящее на диалектах индо-арийской группы, на основе которых сложился современный непали, сколько другие жители Непала – его горных областей, гурунги и магары, говорящие на языках тибето-бирманской группы и принадлежащие антропологическим типам монголоидной расы. Они действительно внешне чрезвычайно похожи на японцев, и

являются носителями определенных этических и эстетических норм, весьма близких самурайской этике. Все это могло способствовать их относительно легкой интеграции в японское общество.

Третья глава, «Изменение характера южноазиатской миграции в Японию в 80-х гг. XX в. Трудовая миграция» построена на самых разных источниках – статистических данных, исследовательской литературе, и некоторых собственных материалах автора. Представлен обзор истории миграционной политики Японии, выявлены типы миграции и мигрантов, характерные для южноазиатского региона, поставлены проблемы адаптации, описаны пути интеграции, связанные как с семейной жизнью, так и с трудовой деятельностью мигрантов. Хорошо описана эволюция этнического бизнеса в Японии, объединяющего и организующего определенные группы трудовых мигрантов. Сделанные краткие обобщения представляются ясными и четкими, не вызывают никаких замечаний, кроме только мелкой помарки на стр. 164 (начало последнего абзаца) – ведь ясно, что тут речь идет не о «второй», а «третьей» главе.

Четвертая глава – «Южноазиатские общины в Японии в эпоху глобализации» – больше других насыщена полевыми материалами автора, собственными заметками, при этом собственные размышления связаны с данными, почерпнутыми из литературы. Текст весьма интересен и не вызывает больших возражений, однако несколько мелких замечаний сделать необходимо.

Автору стоило бы в самом начале этой главы уточнить периодизацию той «эпохи глобализации», о которой идет речь, мотивацию особого выделения этого времени в особую главу, и возможные реперные точки внутри этого периода. Нужно предполагать, что речь идет о времени с 1990-х гг. (а может быть, и несколько позднее?) и до настоящего времени.

Нужно предположить, что автор хорошо знакома с реалиями японской культуры, и с разными сообществами современных, городских переселенцев из Южной Азии. Однако в материале, касающемся индийской традиционной культуры, религиозности, повседневности, допущены некоторые небольшие неточности.

Так, идея о том, что огонь «газовой духовки» (может быть, скорее газовой плиты?) может заменить огонь «домашнего очага» (С. 194), необходимый для индуистской семьи (со ссылкой на работу Н.Р. Гусевой - «Огонь поддерживается в домашнем очаге как охранитель семьи») возможна только как единичная, индивидуальная интерпретация, и не подтверждается индийским этнографическим материалом. В индуистской семье никогда не было «огня домашнего очага», это романтическая фантазия. Огонь – непременный атрибут большинства индуистских обрядов, с зажжения огня всегда начинает ритуал,

огонь обязательно присутствует (его зажигают и обязательно гасят) на алтаре, огни зажигают перед священными образами, но никто не поддерживает его в «домашнем очаге». Речь идет о живом пламени светильника, но не о таком пламени, на которое ставят кастрюли с едой, и никогда – о газовой горелке на плите. Возможно, для кого-то из информантов автора огонь на плите просто оказался своего рода метафорой, символическим «заменителем» священного огня.

На стр. 197 В.С. Фирсова утверждает, что «почти все индийские религии запрещают употребление алкоголя». Это не так, за исключением только ислама, если и его считать одной из индийских религий (точнее – религий, распространенных на территории Южной Азии в целом). Алкоголь, как и все другие разновидности напитков и пищи, допускает или запрещает не религия, а кастовая принадлежность и конкретные обстоятельства жизни данного человека, например, необходимая степень ритуальной чистоты. Во всех обрядах тантрического типа, в обрядах почитания многих женских богинь в Индии и Непале обязательно присутствуют алкоголь и мясная пища. Вегетарианство индусов (с. 200-201 и др.) автор сильно преувеличивает. Согласно статистике Антропологической службы Индии, на протяжение XX в. только около 30% индийцев были вегетарианцами; кроме того, нужно учитывать множественную градацию и иерархию пищи, разнообразие пищевого обыденного и ситуативного рациона для разных этнических, региональных, кастовых групп Южной Азии.

Нуждается в коррекции и фраза «Некоторые ортодоксальные индийцы вообще могут есть только пищу, приготовленную единоверцами». Во-первых, слово «индийцы» здесь нужно заменить на слово «индусы» или «индуисты», так как едва ли автор имеет в виду мусульман, буддистов или христиан. Во-вторых, понятие «единоверцы» совершенно неприменимо в описании религиозной реальности индийского корня, да и ситуация совершенно иная. Здесь речь должна идти об иерархической системе, в которой повар должен принадлежать варно-кастовой группе равной или выше той, к которой принадлежит едок. Несколько упрощая, можно сказать, что система такова: брахман может принимать еду, приготовленную только брахманами, кшатрия – брахманами и кшатрия, вайшья – брахманами, кшатрия и вайшья, шудра же принимает еду от повара любого сословия, если он не входит в число т.н. «неприкасаемых».

Женская одежда сари (с. 202) варьирует не в пределах 7-11 метров, а 5.5 – 9, и самые длинные девяностометровые сари распространены только в штате Махараштра. Шальвар-камиз – это не «брюки» с «туникой», а шальвары (которые можно перевести как «штаны») и рубашка или (в случае длинных кашмирских одежд) платье. Дупата или орхни

– не шарф, а шаль или – в случае мужской одежды – пояс. Раздел об одежде на стр. 203 в целом нуждается в выводах, которых пока здесь нет.

На с.207 автор кратко и без подробностей упоминает, что «каста в к. ХХ в Индии претерпевает изменения и теряет свою значимость». Каста в Индии всегда претерпевала изменения, а в ХХ в., в связи с формированием Республики Индия и ее социальной политики, с введением практики позитивной дискриминации, с запретом кастовой сегрегации в общественной жизни страны и в публичных сферах, разумеется, она во многом изменилась. Однако хорошо известно, что, например, факт позитивной дискриминации не только закрепил, но и усилил в ряде случаев кастовое и племенное деление общества.

Не стоит называть (стр. 221) «индуистскими догмами» вегетарианство, пуджу, сооружение домашних культовых сооружений. В индуизме вообще нет доктрины, а перечисленные элементы суть одни из возможных форм религиозной культуры, в принципе, необязательные (известна формулировка «индуизма» Верховным судом Индии, указывающая на это). Множество индуистов не являются вегетарианцами и не почитают зримые образы божеств. Фраза на с.222 из работы Ткачевой (последний абзац) в данном случае непонятна и не комментируется автором. Монотеистический подход имеется в индийской религиозной культуре, как один из возможных подходов, и является точкой зрения, а не обязательной нормой. Индуистский храм все же стоит по-русски писать в мужском роде, как «мандир», а не в женском «мандира», и нужно учесть, что обозначение домашнего маленького алтаря как «мандир» встречается нечасто, это специфическая интерпретация отдельных людей. Мандир, строго говоря, – отдельно стоящий храм, строящийся по строгим архитектурным и ритуальным правилам, и в котором заведено и регулярно проводится богослужение. На стр. 223 «Радха-Соами» нужно поправить на «Радха-Свами», тем более что в тексте ниже написание – верное. Слово «пууджан» следует заменить на «пуджа». Анга-пуджа – это украшение частей тела почитаемого святого или его статуи, пушпа-пуджа – это подношение цветов. Здесь, как и выше, не следует употреблять слово «единоверцы» при описании практики индуизма вообще, если только речь не идет, может быть, о конкретной религиозной ветви, секте, школе (*сампрадайе*).

Все указанные замечания, однако, не являются принципиальными в рамках главного повествования настоящей главы, которую тоже следует оценить в целом высоко.

Заключение, как мы уже указывали выше, представляется слишком кратким и не отражает полноту собранного и представленного материала.

Отдельные идеи, являющиеся по сути дела выводами, рассеяны по всему тексту работы, но их следует собрать и хорошо обдумать. Так, на с. 6 В.С. Фирсова пишет: «на разных исторических этапах индийцы, несмотря на малочисленность, внесли свой значительный вклад в экономику и культуру Японии». Привоз семян хлопка одним купцом (с.50) – интересная историческая деталь, но едва ли может оцениваться как большой вклад индийцев в экономику страны: формирование хлопководства в Японии было обусловлено множеством иных, гораздо более сложных и фундаментальных факторов. По мнению С.А. Арутюнова, нельзя говорить о «значительном вкладе» индийцев в экономику и культуру Японии в целом, можно только указать на их значительный вклад в формирование экспорта шелка-сырца и ввоз хлопка (эта тема хорошо отражена в диссертации).

На стр. 244 докторантка делает вывод об усилении индийской миграции в Японию в будущем. Такое утверждение не может быть выводом из работы, это - скорее предположение, которое основано не столько на особых исторически сложившихся обстоятельствах (например, миграция из Индии, Пакистана, Бангладеш в Великобританию или США гораздо значительнее), а на общем факте усиления мобильности почти между всеми открытыми странами мира.

Однако высказанные выше замечания в целом не носят принципиальный характер и не меняют в целом хорошего впечатления от работы.

Положения и выводы диссертации были апробированы в девяти докладах и выступлениях на научных семинарах и конференциях, в том числе в Японии, и в 8 статьях, из которых 4 опубликованы в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Содержание диссертации достаточно полно отражено в автореферате.

Диссертационное исследования В.С. Фирсовой соответствует требованиям п.9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016г. №335, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а автор диссертации - Варвара Сергеевна Фирсова – заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН С.И. Рыжаковой.

Доктор исторических наук,

Светлана Игоревна Рыжакова

Ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии
Российской Академии наук,
Почтовый адрес – 32А, Ленинский проспект,
Москва, 119991
Телефон – (495)-9547636; адрес электронной почты - SRyzhakova@gmail.com.

Отзыв обсужден и единогласно утвержден на заседании Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии Наук 4 октября 2016 г. (протокол № 10-1).

Руководитель
Центра азиатских и тихоокеанских исследований
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
доктор исторических наук, профессор

Н.Л. Жуковская

